

2001.03.059. СИН ГИУК. АГРАРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: КРИТИКА КОЛОНИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОРЕЕ.

SHIN GI-WOOK. Agrarianism: a critique of colonial modernity in Korea. // Comparative studies in society a. history. — The Hague, 1999. — Vol. 41, № 4. — P. 784 – 804.

Автор отмечает, что после разделения Корейского полуострова на Юг и Север (после 1945 г.) каждый из режимов обращался к своему антиколониальному прошлому в целях легитимации, претендуя на «исключительное право говорить от лица корейского народа» (с. 785). Оба режима «изображали колониальное прошлое как противостояние колониальной эксплуатации и национального сопротивления», а последнее «для одних коммунистическое, для других буржуазное, считалось прогрессивным движением к модернизации» (с. 784).

Однако разделение корейского национализма в колониальную эпоху на коммунистический и буржуазный не только значительно упрощает картину, но и заставляет искать истоки раздела Корейского полуострова после Второй мировой войны в идеологическом расколе внутри корейского национализма еще в колониальный период. Примечательно, что и западные исследователи оказались в плену подобной схемы.

В отличие от марксизма, который рассматривал крестьянство как пассивный объект, требующий мобилизации, и либерализма, видевшего в крестьянстве лишь массу, которую следует образовывать и просвещать, аграризм, или аграрный национализм (АН) (*ноньчхонджуый*), предложил третье видение проблемы. Для него крестьянство было основным субъектом нации.

Следует заметить, что АН в Корее вовсе не уникален и имел аналоги в других странах. К примеру, в начале XX в. в России существовало народничество. Схожее движение (по-японски *нохоншуги*) существовало и в Японии с 70-х годов XIX в. по 40-е годы XX в. Подобным образом возник АН и в Корее в 20-х – начале 30-х годов. 20-е годы ознаменованы определенным подъемом социального движения в корейской деревне. После Первомартовского движения за независимость 1919 г., когда японская колониальная администрация пошла на определенные уступки и послабления, в стране стали появляться союзы крестьян-арендаторов. Как и в Японии, идеологической базой для АН послужило конфуцианство, рассматривавшее земледельцев как основу любого общества. Корея будущего представлялась как утопическое аграрное государство (*ютхонхиаджок ноньмин кукка*).

Корейский АН был представлен различными направлениями. «Общество корейских крестьян» (*Чосон нонъминса*), опиралось на организованную религиозную систему Чхондогё («религия Небесного Пути»). Получили распространение конфуциански ориентированные образцовые деревни (*исанъхянъ* или *исанъчхон*, т. е. дословно «утопические деревни», или «деревни будущего»). Существовали и анархисты, как, например, Ким Чунъгон, пытавшийся основать аграрное общество в Манчжурии.

Аграрные националисты выражали свои взгляды на страницах журналов «Кэбёк» («Рассвет»), «Нонъмин» («Крестьянин»), «Чосон нонъмин» («Корейский крестьянин») и «Хесонъ» («Комета»). В этих журналах, во-первых, они выдвинули идею создания самодостаточного общества, основанного на земледелии, как противоположность урбанистическому, коммерциализированному и материалистичному. Как писал в 1923 г. журнал «Кэбёк», «бросать сельское хозяйство в угоду торговле и промышленности означает то же самое, что бросить добродетельную жену ради наложницы; строить новую Корею, не опираясь на сельское хозяйство, означает то же самое, что вступить в брак не с тем, кого любишь» (с. 795). Прогнозируя будущее Кореи, журнал «Хесонъ» в январе 1932 г. утверждал, что «(1) деревни будут неизбежно разоряться в ходе капиталистического развития, (2) разорение деревни будет идти значительно быстрее в колонии, нежели в метрополии, (3) депрессия еще больше ускорит это разорение» (с. 794).

Во-вторых, помимо призывов к самодостаточности, аграрные националисты говорили о необходимости духовного, нравственного возрождения Кореи. К примеру, Ли Сонъхван, центральная фигура в «Обществе корейских крестьян», подчеркивал, что не следует винить исключительно капитализм в современном кризисе: «Мы должны раскаиваться в том, что не пытались сами предотвратить его и не смогли понять, что 'от нас самих зависит, будет ли Корея разрушена или спасена'» (с. 796). Духовное развитие связывалось прежде всего с возрождением таких понятий, как «путь земледельца» (*нонъминдо*), «аграрная идеология» (*нонъчхон сасанъ*), «идея 'сельское хозяйство – основа'» (*нонъбон сасанъ*), «крестьянская психология» (*нонъмин симни*).

В-третьих, в отличие от деятелей корейского просветительского движения (а позднее буржуазных националистов), исповедовавших идеи индивидуализма, аграрные националисты опирались на традиции коллективизма. Среди их конкретных предложений было учреждение в качестве базовой единицы совета деревни (*лихве*). Они полагали также, что традиционные деревни (*чаён пурак* или *маыль*) смогут сыграть

большую роль в деле возрождения корейского села, нежели административные деревни (*хэньджонь пурак*), искусственно созданные японскими колониальными властями. Они выступали также за формирование объединений, включавших в себя от 3-х до 5-ти хозяйств, в целях взаимопомощи и коллективного ведения хозяйства.

Примечательно, что многие аграрные националисты выступали за возрождение таких институтов, как деревенская касса взаимопомощи (*тонъге*) и деревенское соглашение о проведении совместных работ (*хяньяк*). Как *тонъге*, так и *хяньяк* использовались местной янбанской (дворянской) элитой в период правления династии Чосон (1392 – 1910) в противостоянии центру и отстаивании своих интересов и влияния в провинции. Между тем, существовала и народная (не дворянская) традиция, выражавшаяся в таких формах, как касса взаимопомощи крестьянской общины (*пхумаси*) и организация взаимопомощи при сельскохозяйственных работах (*туре*). Она была проигнорирована. Таким образом, в отличие от деятелей корейского просвещения, апеллировавших к народной традиции (шаманизм, корейская символика и обычаи), аграрные националисты обратились к неоконфуцианским институтам в поисках защиты от коммерциализации и капитализма.

«Корейские аграрные националисты подвергли сомнению модернизацию, но не нацию; поэтому, несмотря на все свое антимодернистское содержание, сам по себе их ответ был очень модернистским» (с. 800). Несмотря на свое стремление противостоять влиянию колониальной модернизации, аграрные националисты не смогли избежать самой ее логики при противопоставлении «традиция – модернизация», «сельский – урбанистический». Критикуя модернизацию, они, тем не менее, рассматривали нацию как естественную категорию коллективной идентичности. В этом смысле они оказались далеки от конфуцианских консерваторов конца XIX в., выступавших под лозунгом «изгоним ересь, защитим истину» (*чхокса виджонъ*).

Не трудно найти ряд параллелей между корейским АН и АН эпохи Мэйдзи в Японии. Фактически термин «путь земледельца» (*ноньминдо*), употреблявшийся корейскими аграрными националистами, есть не что иное, как калька с японского *номиндо*, который, в свою очередь, соотносится с *бусидо* («путь война»). Подобные параллели не являются неожиданными, принимая во внимание тот факт, что ведущие корейские аграрные националисты получали образование в Японии. К примеру, Ли Сонъхван учился в сельскохозяйственном колледже в Японии. А многие основатели образцовых деревень путешествовали по японским деревням в поисках идей и примеров для собственной

деятельности. «Во многом подобно тому, как лидеры Третьего мира обратились к американским интеллектуалам за формулировкой своего антиамериканизма, лидеры корейского аграрного национализма заимствовали у движения аграрного национализма в Японии логику и язык для своей критики колониальной модернизации» (с. 802). И, как это ни иронично звучит, идейная близость корейских и японских аграрных националистов объясняет ту относительную легкость, с какой все это движение было интегрировано в правительственную кампанию по оздоровлению сельской провинции, развернутую в 1932 г.

Как отмечает автор статьи, пример АН в Корее иллюстрирует тезис о том, что корейский национализм значительно шире и разнообразней, чем это принято считать. Это разнообразие «было утеряно в процессе формирования доминирующих точек зрения в обеих Кореях» (с. 803).

К. В. Ермаков